

Пиндарическая ода и ее трансформация

Пиндар – «наше всё»?

- Первый в каноне девяти древнегреческих лириков, к тому же--
- единственный, чьи тексты сохранились до наших дней в большом объеме, и --
- самый почитаемый поэт в одах Горация.
- С конца XV в. (до начала XIX в.) вновь завоевывает репутацию величайшего лирического поэта.

Эпиникий как основной ресурс европейской лирики: два парадокса

Пиндар неподражаем >> «пиндарическая ода» невозможна (в отличие от оды анакреонтической или сапфической)

Ср. Гораций, Оды 4,2, Квинтилиан, *Institutio Oratoria*, 10, 1:

- *Novem vero lyricorum longe Pindarus princeps spiritu, magnificentia, sententiis, figuris, beatissima rerum verborumque copia et velut quodam eloquentiae flumine: propter quae Horatius eum merito nemini credit imitabilem.*
- Однако из числа девяти лириков Пиндар далеко опережает остальных духом, великолепием, мудрыми изречениями, оборотами речи, счастливейшим изобилием предметов и выражений, а также будто неким потоком красноречия: по всем этим причинам Гораций заслуженно полагает его неподражаемым

Эпиникий как основной ресурс европейской лирики: два парадокса

- Эпиникий («победная песнь») – как будто маргинальный жанр, не характерный для лирики в целом.
- Его отличительные черты – неорганичность, бессвязность, невозможность мотивировать мифологический нарратив (проблема «единства» отдельных эпиникиев – одна из главных в пиндарических штудиях).
- Восприятие пиндарической оды как эстетического феномена крайне затруднено; более принято понимание Пиндара как поэта (излишне) риторического.

Видимое отсутствие формы как приглашение к формальному эксперименту

- Жанровое многообразие эпиникиев – прежде всего сочетание культового хора и прославления героя – в истории литературы оказывается преимуществом (ср. Бахтин о народной культуре у Шекспира)
- Отсутствие устойчивого пространственного компонента у пиндарического хронотопа дает возможность экспериментировать с пространством.
- Из мифов Пиндара можно дистиллировать некий общий «победный» нарратив.

Рецепция Пиндара I: жанры пиндарической оды

1. Возникновение нескольких изводов жанра «пиндарической» оды в XVI-XIX вв.

- военная победная ода: латинская, польская поэзия >> «Эпиникион» Ф. Прокоповича
- роялистская панегирическая ода (Пьер де Ронсар, Франсуа де Малерб, И. Х. Гюнтер) >> торжественная ода в России (Ломоносов, Петров)
- the Pindaric (ode) – экспериментальная ода (Абрахам Каули, Бен Джонсон, Джон Драйден)
- >> “the greater Romantic lyric” у английских романтиков (М. Н. Abrams)
- вольная ода в немецкой традиции (Клопшток, Гёте, Гёлдерлин)

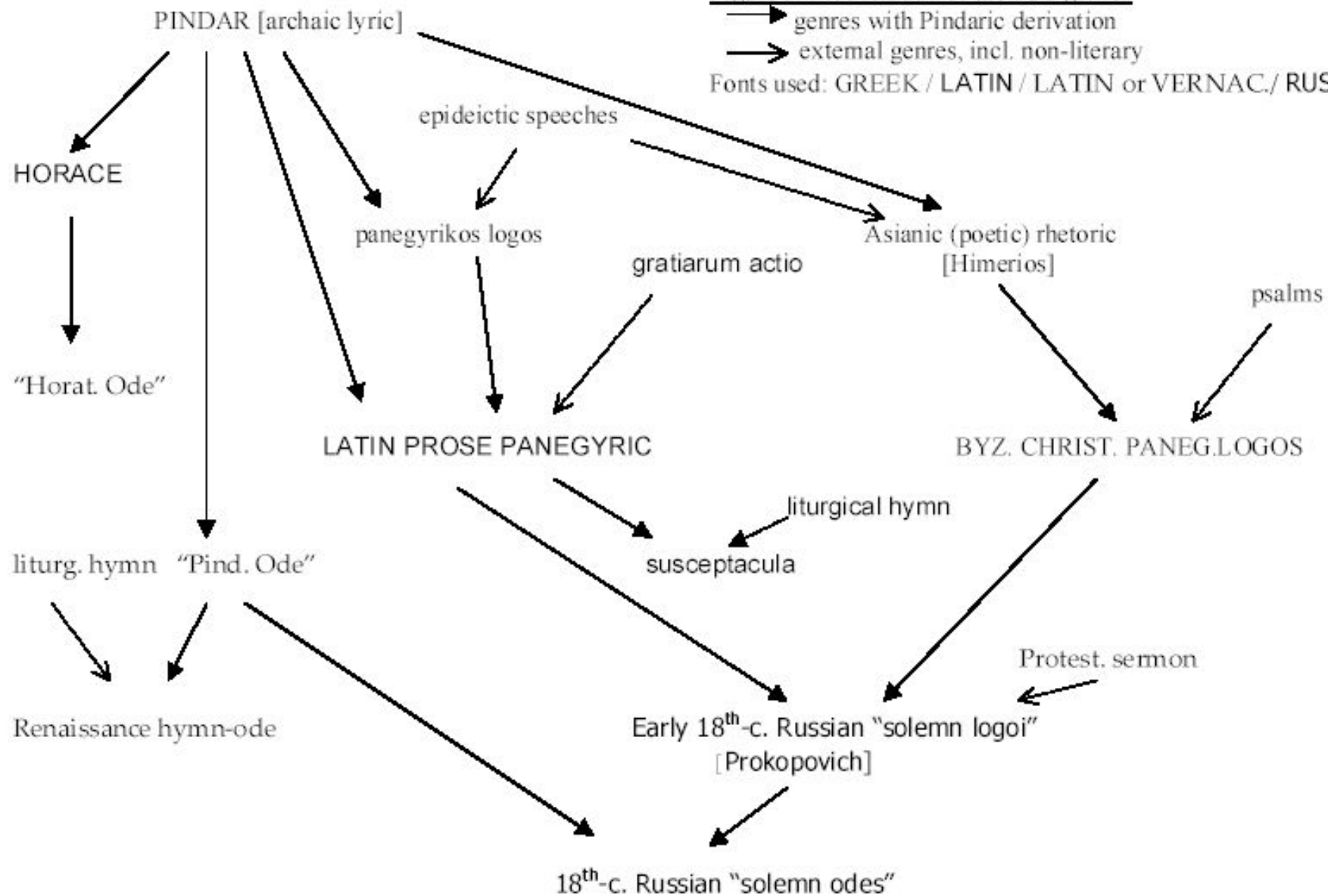
Рецепция Пиндара II

2. Заимствование – часто неосознанное, через посредников – тех или иных формальных элементов (хоровой субъект, scripted spontaneity «срежиссированная спонтанность» (L. Kurke), темпоральность озарения, развернутые метафоры в зачине, олицетворенные абстрактные понятия) и мотивов (долговечность поэтического текста, locus beatus).

Гибридность и синкретичность

- Литературные жанры могут включать в себя не только первичные, **но и другие вторичные жанры**, в том числе – литературные.
- В разные эпохи разные литературные жанры принимают на себя максимум синкретичности: античная драма, роман XIX века, пиндарическая ода (the Pindaric) в раннее Новое время, пастораль в эллинистический период.

Figure 1: Proliferation of the odic genres

→ genres with Pindaric derivation
→ external genres, incl. non-literary
Fonts used: GREEK / LATIN / LATIN or VERNAC./ RUSSIAN

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями **Авфид**,
Где **Давнус** царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатной род препятством не был,
Чтоб внести в Италию **стихи эольски**
И перьвому звенеть **Алцейской лирой**.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу **Дельфийским лавром**.

Оды 3,30 в
переводе
Ломоносов
а

65. ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру: но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь Славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном Руском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге,
И истину Царям с улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей бессмертия венчай.

Мобильность поэтического текста: Пиндар, Нем.5

1 с. Я не ваятель,—
Не таковы творения мои,
Чтобы стыть им приковаанными к подпожням,

Нет:

На широкой ли ладье, в малом ли челпе

Ступай в Эгину,

Сладостная песня моя,

С вестью,

Что сын Лампона, Пифей,

Широкий силою,

Стяжал в Немее

Победный венок сугубой борьбы,

Не явив еще на щеках

Свежую зрелость, масть пеплолистных гроздий.

Этнографическое многообразие империи : 4.14

Узды не знавший прежде кантабр и перс,
Кочевник скиф и индус — дивятся все
Тебе, Италии и Рима
Здесь на земле, покровитель мощный!

Дивится Нил, что место рожденья вод
Таит, и Истр, и быстро текущий Тигр,
И Океан, чудовищ полный,
Ревом глушащий британцев дальних.

Тебе покорны: галлы, которым чужд
50 Пред смертью треплет; дикой земли сыны —
Испанцы; и тебя сигамбры
Чтят, кровожадные, сдав оружие.

Пространство поэтического бессмертия (Оды 2, 20)

Мчась безопасней сына Дедалова,
Я, певчий лебедь, узрю шумящего
Босфора брег, гетулов Сирты,
Гиперборейских полей безбрежность.

20 Меня узнают даки, таящие
Свой страх пред строем марсов, Колхиды сын,
Гелон далекий, избериец,
Люди, что пьют из Родана воду.

Не надо плача в дни мнимых похорон,
Ни причитаний жалких и горести.
Сдержи свой глас, не воздавая
Почестей лишних пустой гробнице.

Перенос топоса этнографического многообразия с империи на повсеместную славу поэта

Долговечность текста = сопротивление стихиям (Пиф. 6)

Мобильность (Нем. 5)

Этнограф. разнообразие империи (Гор. 4.14)

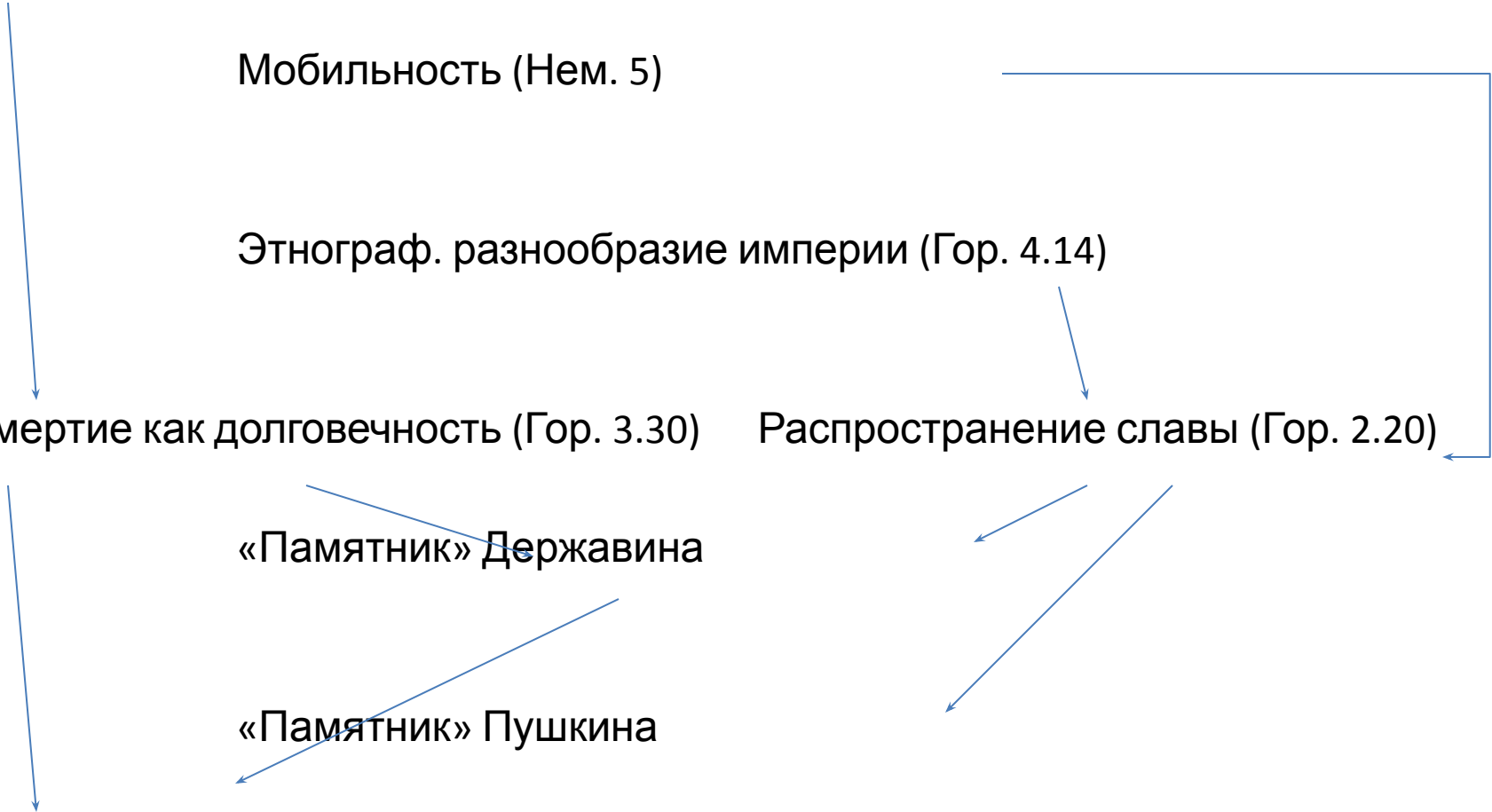
Бессмертие как долговечность (Гор. 3.30)

Распространение славы (Гор. 2.20)

«Памятник» Державина

«Памятник» Пушкина

Aere perennius Бродского

Пример 2: «Нашедший подкову» как пиндарический эксперимент

Глядим на лес и говорим:
Вот лес корабельный, мачтовый.
Розовые сосны
До самой верхушки свободные от мохнатой ноши.
Им бы поскрипывать в бурю,
Одинокими пиниями
В разъяренном, безлесном воздухе...

Воздух дрожит от сравнений.
Ни одно слово не лучше другого,
Земля гудит метафорой...

То, что я сейчас говорю, говорю не я,
А вырыто из земли, подобно зернам окаменелой пшеницы.

Одни

на монетах изображают льва,

Другие –

голову.

Разнообразные медные, золотые и бронзовые лепешки
С одинаковой почестью лежат в земле.

Век, пробуя их перегрызть, оттиснул на них свои зубы.

Время срезает меня, как монету,

И мне уж не хватает меня самого.

1923

Типичные черты пиндарической оды в «немецкой» интерпретации

- Вольная просодия
- Неустойчивый, нелокализуемый субъект речи
- Формула обрыва после мифа (о Петре?): «С чего начать? Все трещит и качается».
- Пиндарические мотивы: бегущий конь.
- Развернутое сравнение (... Так нашедший подкову)
- Приамель (фоновый каталог): «Одни на монетах изображают льва, другие – голову».

«Нашедший подкову»: сравнение как организующая структура

- Субъект оказывается археологической находкой (советским артефактом), по аналогии с подковой, оставшейся от (пиндарического) коня.
- Трансформация материала в форму – сосен в корабль (ср. пролог «Медеи»), тела в язык (губы «сохраняют форму» последнего сказанного слова), биографического субъекта в субъект поэтический.

Пример 3: Нововременная пиндарическая ода

Нарратив о победе принимает архетипическую форму победы добра над злом. Враг (внутренний либо внешний) сравнивается с чудовищами, которых побеждали греческие «культурные» герои (Геракл, Персей). Монарх выполняет Божью волю, при этом репрезентируемое монархом политическое тело нации, от лица которого говорит поэт, противопоставляется Другому.

Схема 7. Традиционная пиндарическая ода

ДРУГОЕ (чудовище / враг / природа)

Я = ПОЛИТИЧЕСКОЕ ТЕЛО = (монарх = Бог)

«Вольность» Радищева как полемика с нововременной пиндарической одой (1781-1783)

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав,
Земные власти попирает,
Главою неба досязает, —
Его отчизна там, — гласит;
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет,
И слепо верить нам велит.

Власть и вера vs общество

9

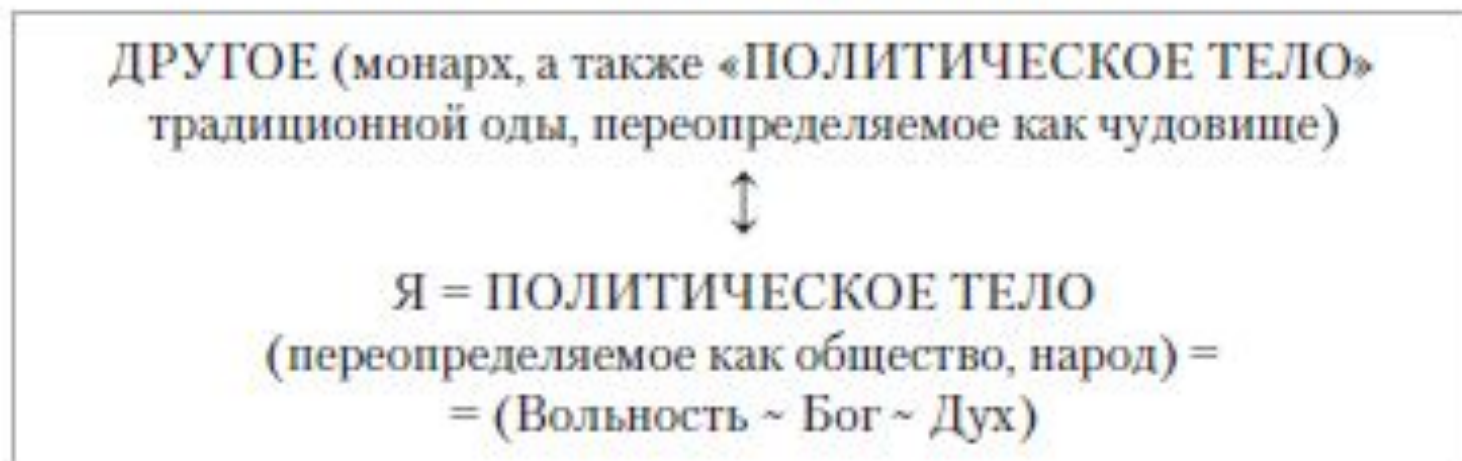
Возврим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства.
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру сохраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут:
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
«На пользу общую», — рекут.

Нововременной миф: схватка будущего с прошлым

Схема 1: Традиционная пиндарическая ода

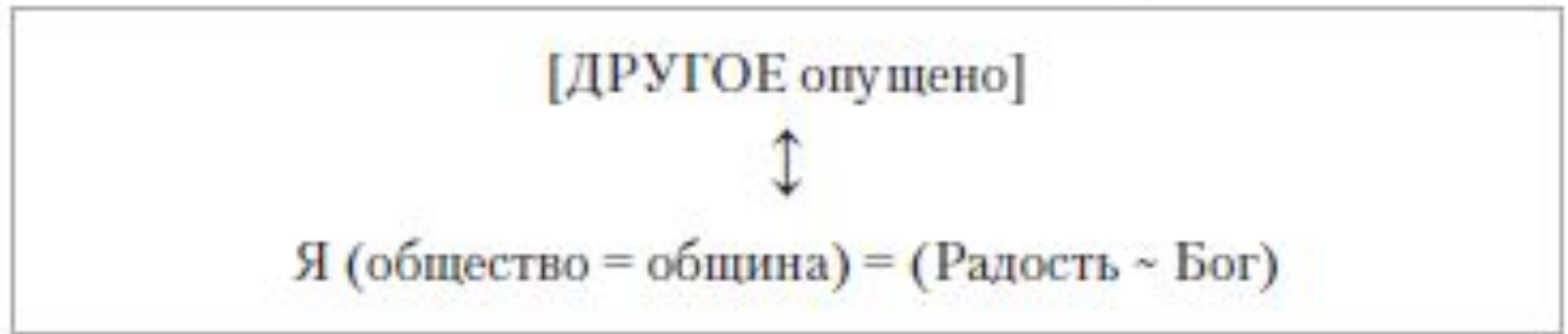

Схема 2: «Вольность» Радищева

Абстрактные понятия – «Вольность», «Радость» -- как союзники будущего (Я)

Схема 3: “An die Freude” Шиллера

Бодро, братья, в путь идем,
Как герой идет к победам!

Мечь и ненависть отложим,
Смертный недруг, будь прощен,
Сожаленьем не тревожим
И слезой не отягчен.

Шелли: Свобода покоряет СТИХИИ

Твой взор ослепительней молнии рдяной,
И гнев твой землетрясения страшней.
Смиряются пред тобой океаны
И солнце меркнет и светят вулканы
Не ярче болотных огней.

But keener thy gaze than the lightening's glare,
And swifter thy step than the earthquake's tramp;
Thou deafenest the rage of the ocean; thy stare
Makes blind the volcanoes; the sun's bright lamp
To thine is a fen-fire damp.

«Патмос» Гёлдерлина: христианский/националистически й миф

Поэты как посредники между божеством и
человечеством, прошлым и настоящим

Миф о приобщении к божественному
переосмысляется как победный миф
христианства

Старые боги сосуществуют с Христом

Новый христианский миф осмысляется как
немецкий по духу (Dem folgt der deutsche
Gesang)